

Этой ночью Фан Сыуну кошмары не снились. На следующее утро его разбудил Юй Цюся.

Наскоро приведя себя в порядок, они поспешили в столовую — время уже поджимало.

Едва переступив порог, Сыун почувствовал неладное. Заметив их, Пу Тяньбай тут же подскочил и зашептал:

— Брат Фан, брат Юй... Линь Чжэ мертв.

Сыун лишь удивленно приподнял бровь и следом за Юй Цюся прошел к столу.

Пу Тяньбай тут же подался вперед и заговорил еще тише:

— Мы сегодня утром выходим из комнат, а у Линь Чжэ из-под двери кровь всюду хлещет. Стоим как вкопанные, не знаем, что делать. Тут из своей каморки выходит старший брат Цзин, велит нам спускаться вниз и говорит, что Линь Чжэ точно крышка.

— А уборщик там всюду пол намывает, — вставил свои пять копеек примостившийся рядом Хуа Тяньсяо.

— Ну да, — кивнул Тяньбай. — Мы торчать там не решились, сразу сюда спустились.

Хуа Тяньсяо добавил:

— Я вчера наверх поднимался, так слышал, вроде как он с этим уборщиком ссорился. Сильно так цапались.

Юй Цюся едва заметно кивнул, погружаясь в раздумья.

Они пришли далеко не последними. Минуту спустя в столовую вошел Чу Шэньнань — последний из выживших, не считая покойного Линь Чжэ.

Стоило ему занять свое место, как часы пробили ровно семь. Секунда в секунду в столовую вошел Ху Бай. Завтрак мало чем отличался от вчерашнего. Проведя пару безмолвных рейсов туда-обратно, он накрыл на стол и скрылся, оставив кучку притихших бедолаг наедине с их мрачными мыслями.

Спустя минуту Юй Цюся нарушил тишину:

— Свидетельство о смерти Линь Чжэ подтверждает одно: до самого последнего вздоха он оставался обычным человеком.

Атмосфера в комнате сделалась совсем удушающей.

Цинь Фэй выглядела чуть лучше, чем накануне, и даже нашла в себе силы спросить:

— И что это значит?

— Первая ночь в Театральном мире всегда уносит чью-то жизнь, это непреложный закон, — объяснил Юй Цюся. — Вчера мы решили, что погиб Линь Чжэ, поскольку он нарушил правило «не опаздывать к обеду». Я предположил, что он уже мертв и правила на него не распространяются. Но теперь ясно: в первую ночь погиб кто-то другой. Линь Чжэ убили только вчера.

Цинь Фэй потрясенно приоткрыла рот. Ее рассудок, измочаленный вчерашними потрясениями, отказывался соображать:

— И... и что? Но ведь в первую ночь никто не умер?

— Умер, — Юй Цюся медленно обвел взглядом присутствующих. — И если этот несчастный — не Го Цзыюй, то покойник все еще сидит за этим столом.

На этих словах он умолк. Фан Сынун заметил, как слегка дрогнули зрачки Юй Цюся, после чего тот повернулся к Юань Гуаньцзюнь:

— Простите, госпожа Юань. Думаю, эту информацию лучше озвучить для всех.

«Должно быть, он только что снова получил ментальную передачу от Юань Гуаньцзюнь» — мысленно заключил Сынун.

Глаза Цинь Фэй округлились от ужаса. В панике она инстинктивно уставилась на Цзин Шипина:

— То есть... среди нас... есть мертвец? Но как такое вообще возможно?!

Старый Цзин сочувственно посмотрел на нее, пытаясь успокоить:

— В этом мире возможно все, девочка.

Цинь Фэй совсем побледнела, готовая вот-вот разрыдаться:

— О боже...

— Разумеется, я говорю это не для того, чтобы посеять между нами вражду и подозрения, — продолжил Юй Цюся. — Просто будьте настороже. Так мы сможем избежать лишней крови. Отныне ходите как минимум по двое. В этих краях парные смерти случаются нечасто.

Покончив с завтраком, все покинули мрачный обшарпанный коридорник и побрели в город на поиски зацепок.

Юй Цюся, Фан Сынун, Пу Тяньбай и Хуа Тяньсяо направились напрямик к газетному архиву. Все сошлись во мнении, что наличие столь солидного заведения в полузаброшенном захолустье само по себе подозрительно, и там непременно найдутся подсказки.

Юань Гуаньцзюнь, Лу Шэн и Цзин Шипин решили вновь наведаться в заброшенные трущобы на окраине — вдруг удастся наткнуться на свежие следы убийцы.

Остальные рассредоточились по городу. Руководствуясь шестым чувством, Яо Ван отправилась прощупывать подозрительных местных жителей и примечательные места. Ей, как игроку интуитивного склада, было полезно пообщаться с как можно большим числом персонажей; компанию ей составил Чжань Чэнсяо. Чу Шэньнань же взял под опеку Цинь Фэй и повел ее дальше расспрашивать местных старух.

При этом каждый должен был держать ухо востро на предмет новостей о Старом безумце. Обнаружив «Пророка», следовало немедленно устроить ему допрос с пристрастием.

Пути разделились у подножия холма, на котором высилось обшарпанное здание. Когда силуэты остальных групп окончательно растаяли вдаль, Фан Сынун негромко спросил Юй Цюся:

— Тебе не показалось... что у Ху Бая какой-то странный живот? Будто раздутый?

Юй Цюся озадаченно нахмурился:

— Хм. Не обратил внимания.

— Я и сам до конца не уверен, — признался Сынун. — Уж больно балахон на нем мешковатый.

Ху Бай был тощ до безобразия: впалые щеки, высохшие конечности. В своем грязно-белом просторном одеянии он казался бесплотным призраком, готовым растаять от малейшего дуновения ветра. Под такой одеждой очертаний тела было не разглядеть. Однако сегодня утром, расставляя тарелки возле Фан Сынуна, парень наклонился и случайно задел животом край стола. В этот миг серая ткань натянулась, выдав скрытый рельеф.

— И что ты об этом думаешь? — спросил Юй Цюся.

Сынун не стал развивать теорию — он и сам сомневался, не померещилось ли ему в полумраке, поэтому лишь озвучил догадку:

— Вдруг это какая-то болезнь? Вроде чумы? Бывает же, что у человека раздувает живот от водянки, хотя сам он худеет до костей?

— Вполне возможно, — согласился Юй Цюся. — Зацепка интересная.

— Может, это «Чума» Камю? — встрял в разговор Пу Тяньбай. Он задумчиво потер подбородок и забормотал себе под нос: — Хотя болезнь ведь может быть лишь метафорой... Символом проклятия, порока... Город грешников... — Его глаза вдруг лихорадочно блеснули, и он уставился на Фан Сынуну и Юй Цюся: — Город, погрязший в грехах! Может, это «Визит старой дамы»?

— Строить гипотезы полезно, но в этом месте опасно цепляться за готовые шаблоны. Платить за ошибки здесь приходится собственной жизнью, — остудил его пыл Юй Цюся. — Есть догадка — ищи подтверждения. И только когда наберется достаточно улик, можно будет с уверенностью назвать пьесу.

Тяньбай понуро почесал затылок:

— Ну да, логично...

— А ты, как погляжу, парень начитанный, — подал голос шагавший рядом Хуа Тяньсяо.

— А? Ты о чем? — растерялся Пу Тяньбай, но быстро сообразил: — Так это же школьная программа. Разве у вас такого не читали?

Хуа Тяньсяо презрительно закатил глаза:

— Ой, подумаешь, грамотей выискался.

Сверяясь с набросанной Яо Ван картой, они двинулись к архиву. Фан Сынун, едва очутившись в этом безумном мире, благоразумно отключил телефон, так что сейчас батарея была почти полной. Он вывел на экран снимок нарисованной карты и пошел следом за Юй Цюся. Тот, впрочем, в подсказки даже не заглядывал, безошибочно выбирая нужные повороты.

Здание архива ютилось на самой окраине города и выглядело совершенно заброшенным. Стоило им переступить порог, как в нос ударил густой, удушливый запах старой пыли и прелой бумаги. Внутри царил полумрак.

За стойкой регистрации дремал иссохший, как мумия, старик с такими обвисшими мешками

под глазами, что они, казалось, доходили до самых ноздрей. Вид у него был такой, словно он уже одной ногой стоял в могиле.

Юй Цюся подошел к стойке и вежливо объяснил, что им нужно ознакомиться со старыми подшивками. Фан Сынун тем временем незаметно разглядывал живот старика. Сквозь дыры на поношенной рубаше виднелся совершенно плоский, высохший живот, вполне соответствовавший общей худобе хозяина.

Сынуну в голову закралось подозрение: неужели утреннее видение все-таки было обманом зрения?

Старик приоткрыл один мутный глаз. Было очевидно, что свою работу он люто ненавидит и просто доживает здесь свой век. Не удосужившись даже спросить документы, он лишь вяло махнул рукой, пропуская их внутрь.

Пройдя дальше, они очутились в еще более темном помещении. Выключателя поблизости не оказалось.

Пу Тяньбай высунулся обратно к стойке спросить про свет. Старик хриплым голосом буркнул, что проводка давно сгнила, а за дверью лежат налобные фонари.

Тяньбай отыскал за дверью три пыльных налобника, но рабочими из них оказались только два. Он протянул их Юй Цюся, однако тот взял лишь один, велел парням делить свет второго на двоих.

Когда с освещением кое-как разобрались, перед ними встала задача посерьезнее.

Помещение архива напоминало просторный фабричный цех с непомерно высокими стенами. Под самым потолком тянулся ряд узких фрамуг, сквозь которые едва пробивался тусклый дневной свет. Фан Сынун специально присмотрелся и убедился — все окна были наглухо заперты. Длинные ряды стеллажей уходили под самый потолок; чтобы добраться до верхних полок, требовалась стремянка. Радовало лишь то, что папки были разложены в образцовом порядке и рассортированы по годам.

— И как мы тут хоть что-то раскопаем? — уныло протянул Пу Тяньбай. — Да здесь жизни не хватит, чтобы все перерыть!

— 976 год, — ровным голосом произнес Юй Цюся. — И три года до и после него.

— Что это за дата? — поинтересовался Фан Сынун.

— Год первого преступления убийцы из вчерашней ориентировки, — пояснил Юй Цюся.

Хуа Тяньсяо тут же восторженно защебетал:

— Обалдеть, режиссер Юй, ну у вас и память! Я бы в жизни не вспомнил!

Тот проигнорировал лесть и сухо бросил:

— Не теряйте времени. За работу.

Они разошлись по проходам между высокими стеллажами. Хуа Тяньсяо, крадучись во тьме, забормотал замогильным шепотом:

— По всем законам жанра где-то здесь, за грудой старой бумаги, уже притаилась тварь... Она ждет, пока мы потеряем бдительность...

Не успел он договорить, как чья-то рука тяжело опустилась ему на плечо. Парень резко обернулся и истошно завопил.

Фан Сынун и Юй Цюся одновременно обернулись на крик и увидели эпичную картину: Хуа Тяньсяо с яростью тузил Пу Тяньбая.

— Придурок! — со слезами на глазах матерился нападавший, нанося удары куда попало. — Нашел время для шуток! Я чуть инфаркт не схватил!

Побитый Тяньбай трусливо прикрывал голову руками и скулил:

— Ой-ой-ой, больно же! Полегче! Да я просто хотел, чтобы ты заткнулся, у меня у самого аж мурашки по коже пошли!

Фан Сынун почувствовал, как внутри закипает глухое раздражение — до смерти хотелось придушить этих двоих недоумков прямо здесь. Но Юй Цюся, даже не обернувшись, безмолвно зашагал дальше по проходу, и Сынуну ничего не оставалось, кроме как подавить гнев и поспешить следом.

В конце концов, все они были людьми искусства и прекрасно понимали: декорации этого склепа идеально подходили для какого-нибудь хоррора. Дурацкие бредни Хуа Тяньсяо, как ни крути, ложились на благодатную почву, отчего становилось лишь тревожнее.

«Если в этой мгле действительно кто-то притаился... — Фан Сынун крепче сжал ладони. —...я ни на секунду не выпущу Юй Цюся из виду»

Шедший впереди Юй Цюся оставался абсолютно глух к возне позади. Спустя пару минут он

тихо усмехнулся и обернулся к спутникам:

— Сюда. Нашел.

Перед ним высился стеллаж с потемневшими от времени папками, на которых значился 976 год.

<http://bllate.org/book/20607/2131054>